

Александр Архангельский

Герой Второго Уровня: фрагмент пропущенной главы

В первоначальном варианте романа, опубликованного журналом «Октябрь» в 10 и 11 номерах 2012 года, герой, Павел Саларьев, был изображен активным блогером; реальное действие перебивалось его полупридуманной автобиографией, которой он делился в своем ЖЖ. То есть он сочинял не только виртуальные музеи, но и свою собственную жизнь. В какой-то момент стало ясно, что эта линия мешает развитию сюжета, и она была сокращена. Но глава осталась; пришла пора ее опубликовать. Пока хотя бы первый фрагмент из нее.

Автор

1

«Врать я начал в третьем классе. Или во втором. Не помню.

Я жил у бабули и деда и был типичным бабушкиным сыном. Мама с папой разошлись году, наверное, в семидесятом: мне только что исполнилось четыре. Мама занялась устройством личной жизни; виделись мы с ней по воскресеньям, не всегда. А папа – тот женился сразу и заезжал за мною по субботам.

В теплые дни он появлялся в белой сетчатой маечке, дырчатой бежевой шляпе и потертых сандалиях. Авоську оттягивал футбольный мяч. Трамвай звенел на поворотах; в одно и то же время на одном и том же месте, возле парка, мы обгоняли коняшку молочника. Она тянула возок с помятыми бидонами, вскидывала голову и будто говорила: здравствуй, Паша! Я отвечал ей: здравствуй, лошадь! На загаженном приморском стадионе мы искали пустую площадку, по очереди вставали на ворота, потом водой из фонтанчика смывали пот, перемешанный с пылью, в буфете ели бутерброды с колбасой, раскатывая языком по нёбу

кругляши сладковатого толстого жира, и шли назад, к трамвайной остановке.

Зима и начало весны были сырыми и серыми. Вдоль дорожной канавы, под кустами пожухлой акации, стелилась дымка, угукали горлицы. У...хуу-ху! У...хуу-ху! Внезапно начинался мелкий дождь, за дождем бежал приبلудный ветер, становилось неуютно и промозгло. Куда было податься с папой? Только в кино, на дневной сеанс.

Фантомас включал сцепление, машина выпускала крылья и взлетала, Анжелика целовалась с королем, и тот сжимал ей розовую грудь (папа ерзал, я смущенно замирал), Гойко Митич был вождь краснокожих, а белые братья снимали с индейцев скальпы, и вид свежесывороченного мяса на макушке, с белой сетью нервных окончаний, разбросанных, как червячки поверх гнилой морковки, отталкивал и влек одновременно.

Однажды мы попали на советскую комедию. Молодой милицейский начальник все время появлялся перемотанный бинтами. И на вопрос, что это с вами, отвечал небрежно: «А, пустяки, бандитская пуля». Мы с папой смеялись до полного сипа, дышать было нечем. После фильма папа сказал: есть идея. И повел меня в аптеку, где кисло пахло скипидарной мазью и ржавыми каплями датского короля.

Дверь открыла бабуля в линиялом зеленом халате, из-под которого торчали розовые кружавчики комбинашки. Перед ней стояли два израненных героя: у меня был плотно забинтован лоб, у папы рука висела на перевязи, и от нас разило свежим йодом.

Бабуля должна была спросить: что это с вами? А мы ответили бы: так, ерунда, бандитская пуля. Вместо этого она тонко сказала «ой» и грузно села на старинный сундук, стоявший возле входа. На лбу, на висках и над верхней губой у нее проступили капли пота. Крохотные; их было очень много, как будто прыснули водой для глажки.

– Кто? – спросила бабушка. – Где?

И слабо позвала:

– Дееед, валокордину.

Папа срочно вынул руку из перевязи, присел на корточки, погладил бабушкино толстое колено и виновато объяснил, как было все здорово придумано.

Дед мрачно сказал:

– Был ты, Савва, дурак. Дурак и остался.

Я так и вижу деда: узкая лысина, длинное жилистое тело, глуховатый мокротный голос... И слышу бабушкин голос: она все время бормотала старые стихи. Сидит, вышивает и шепчет.

Сливу зубками она обвила узором точек. Мне она сказала «на», откусив сама кусочек. О, святые времена! Мне она сказала «на»!

А маму Нину я помню только летом. Приезжала она – если приезжала – к десяти. Бабушка завешивала окна вымоченными простынями; вместе с мокрой прохладой в наш домик проникали надежные запахи хозяйственного мыла и кисловатой синьки; о маминем приходе мне сообщал сквозняк. И было море. И песок. И пляж, засиженный приезжими. Все хорошие места успевали занять курортники, приходилось расстилать покрывало под нависающим выступом кургана. Он напоминал огромное подгрызенное яблоко подгнившего кислого цвета. Когда на выступ кто-то забирался, сверху сыпалась сухая пыль.

Пляжный песок был желтый и тяжелый; море глинистое, мелкое, горячее. Даже мне приходилось идти и идти, пока вода становилась по горло. Сверху было все так же тепло, а внизу, под животом, прохладно. Я нырял, приоткрывал глаза, и сквозь желтую муть различал сарделистые ляжки толстых женщин и белые детские попы с осьминожьими отростками ног. Когда в ушах начинало гудеть, возвращался на подстилку, клал мокрую голову на мамин горячий живот и ощущал, как дрожит и покрывается пупырышками ее мягкая кожа. Мама Нина запускала руку в мою шевелюру и молча, как песика, почесывала. Мне хотелось сдвинуться повыше, там, где податливая грудь, но я не решался.

Проходило пять минут, и мама Нина спрашивала – всякий раз одно и то же.

– Расскажи мне, Пашуня, как жизнь молодая.

Мамин голос звучал глубоко и влажно, но сама она была как будто бы не здесь. Я отвечал губами в живот, почти целуя. Хорошо живу; дочитал вот про Тему и Жучку; Витьке попали камнем в висок, и он говорит, что в армии служить не сможет... Но ни мне, ни маме ответ был не нужен. Мне ее было – мало. Она была где-

то там, высоко. Я хотел, чтобы она спустилась ко мне, на землю. И однажды ответил:

– Плохо, мама Нина.

– А что у нас такое?

– Меня деееда с бабкой обижают! – жалость к самому себе накатила снизу, из солнечного сплетения, поднялась по пищеводу в горло, надавила на глазные яблоки, и мамина кожа стала соленой и мокрой. Я ее лизнул, заранее зная, о чем меня сейчас спросят, и придумывая, что же такое сказать.

– Это что-то новенькое, Павел. Как же они тебя обижают? Да не лижи ты меня! Фу, как собака.

– Мамочка, я тебя огорчить боялся!

– Ну что, что такое?

Я никогда не врал, потому что не умел придумать. Даже когда меня ловили на месте преступления и задавали строгие вопросы: правда ли, Пашуня, что... – я тупо замолкал, отключивал нижнюю губу и опускал глаза. Но в этот день что-то во мне свернулось, как сворачивается вентиль у медного крана. В глазах потемнело; я словно бы увидел самого себя.

На уличной газовой горелке стояло наше темно-зеленое ведро.

Кипящая вода стекала по стенке, оставляя мутный след; тяжелая и потная бабуля придавливала крышку, но как только отпустила, крышку тут же вздыбливала алая холка огромного рака, колючий ус и мощная клешня выпрастывались наружу; вода опять убежала за край...

Вот мы уже сидим за столом под шелковицей, раки дымятся в огромной миске, скользко пахнет раскаленная клеенка; господи, как же мне хочется рака, вот этого, большого, темно-красного, в шершавом панцире, с приставшим лавровым листом! Но бабушка кладет мне маленького, жалкого, с оторванной клешней, а большого целенького отдает соседскому Вовану. И дедушка еще зачем-то говорит: «Пашуля, не ширяй глазами, смотри в свою тарелку...».

Я уже рыдаю вголос. Ничего такого не было, а ведь как будто было! Нужно только подобрать слова – и они приходят, из какой-то старой книжки.

– Меня попрекают кускоом! Я на казенных харчааах! Они жадные, жадные, жадные!

Мамина рука замерла в моей шевелюре; пальцы сжались, стало больно и приятно; мама Нина молча плакала. От любви и жалости ко мне.

Когда мы вернулись домой, в дверях нас обдало горячим запахом печеного теста и сладостью давленной вишни. На кухонном столе стояла желтая миска с кроваво-темными косточками. Бабушка была в трусах и лифчике; складки весело свисали, как у бегемота в зоопарке.

– Харлампиевна, пожалуйста, накиньте что-нибудь! И надо нам поговорить. А ты ступай отсюда, – это мне.

В животе образовалась пустота, все во мне ухнуло вниз, колени затряслись. Соврать-то я соврал, а что дальше будет, не подумал... Из-за плотно прикрытой двери доносилось: я же денег даю... какие такие раки... Нинка, ты чего несешь...

Меня нашли среди недозрелой жердели – так мы на юге называли абрикос. Здесь был мой командный пункт: доска на скрещении чешуйчатых веток, подушка, набитая ватой, и косая крыша, прикрывающая от дождя, из черного толя, вонючего, как жженая смола.

– Слезай, – сказала бабуля.

Сверху мне она казалась сплюсненной. Был виден нос картошкой, два серых глаза навывкате, под ними тут же начиналась грудь, из-под груди выползал живот. Деда был длинный и плоский. Я смотрел ему в ноздри и думал, как же он так дышит сквозь густые белые волосы в носу.

– Не слезу.

– Слезай. Пирог испеклись.

Мама Нина не приезжала ко мне три недели подряд».

✍ *Кудряво врете. Продолжайте в том же духе.*

☪ *Всем! всем! всем! Певица Алсу НЕ разводилась с мужем Яном! Передайте всем, прошу вас, и не баньте меня! Это не спам, поверьте! Я просто люблю Алсу и хочу, чтобы все узнали правду.*

Москва